

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).035–041

ИДЕЯ СУВЕРЕНИТЕТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XV ВЕКА

М. М. Кром

Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет истории,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье выделяются основные этапы формирования идеи суверенитета в московском политическом дискурсе XV в., определяются ее проводники (идеологи) и анализируются системы аргументации. Выяснено, что на первых этапах (до конца 1450-х гг.) ведущая роль в разработке идеи независимости великого княжества Московского принадлежала церковным деятелям, в первую очередь – митрополии, а среди аргументов преобладали слова и образы, отсылавшие к империи («царь», «самодержец» и т. д.); тогда же из языка Великого княжества Литовского при посредничестве митрополичьей кафедры было заимствовано понятие «государство» в значении независимой державы. В последней четверти XV в. ведущая роль в разработке доктрины государственного суверенитета перешла к Ивану III, а центральное место в политическом дискурсе заняла идея великокняжеской вотчины.

Ключевые слова: суверенитет, политический дискурс, история понятий, великое княжество Московское, митрополия, Иван III, вотчина, государство.

Под «государственным суверенитетом» современные юристы понимают верховенство государственной власти на определенной территории и ее независимость в сфере международных отношений¹. Историки лишь сравнительно недавно, с начала 1980-х гг., стали использовать этот термин применительно к Московской Руси XV в. – в частности, для описания итогов противостояния с Ордой в 1480 г. («полное восстановление государственного суверенитета», «обретение суверенитета»)² и в целом для харак-

¹ Суверенитет // Юридический энциклопедический словарь / Глав. ред. О. Е. Кутафин. М., 2002. С. 491; Суверенитет // Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. Изд. 2-е, доп. М., 2004. С. 596.

Suverenitet, *Yuridicheski entsiklopedicheski slovar*, О. Е. Kutafin, ed.-in-chief, Moscow, 2002, S. 491; Suverenitet, *Bolshoi yuridicheskii slovar*, А. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh (eds.), 2nded., Moscow, 2004, S. 596.

² Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 45; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 153.

теристики возникшего при Иване III государства («суверенный характер власти великих князей», «унитарное суверенное государство», «суверенное Российское государство»)³.

Здесь, однако, возникает проблема, которую многие ученые, похоже, не замечают. Дело в том, что суверенитет в том понимании, о котором шла речь в начале этой статьи, предполагает *сознательную* политику верховной власти по достижению и поддержанию абсолютного господства на контролируемой территории и независимости на международной арене. Таким образом, суверенитет не может быть результатом простого стечения обстоятельств, он возникает и сохраняется благодаря целенаправленной политике.

Между тем, как известно, учение о суверенитете было впервые обнародовано Жаном Боденом лишь в 70-е гг. XVI в.⁴; в XV столетии подобная теория не была известна ни в Западной Европе, ни тем более в России. Значит ли это, однако, что использование упомянутого термина применительно к рассматриваемому времени является анахронизмом?

Как заметил основоположник немецкой «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*) Райнхарт Козеллек, «на практике существует множество действий или моделей поведения, которые появляются раньше, чем названия для них в языке»⁵. Несомненно, практика суверенитета появилась раньше, чем соответствующая теория⁶. И в отсутствие принятых теперь терминов употреблялись слова и выражения, передававшие сходный смысл.

Именно потому, что понятия в своем развитии могут выражаться разными словами, Козеллек рекомендовал в их изучении чередовать сема-

Alexeev Yu. G., *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga*, Leningrad, 1989, S. 45; Gorskii A. A., *Moskva i Orda*, Moscow, 2000, S. 153.

³Зимин А. А. Россия на рубеже XV – XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 158; Панях В. М. Русь в XV – XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 32, 48–49; Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 25.

Zimin A. A., *Rossiia na rubezhe XV – XVI stoletii: Ocherki sotsialno-politicheskoi istorii*, Moscow, 1982, S. 158; Paneyakh V. M., *Rus' v XV – XVII vv. Stanovlenie i evolutsiya vlasti russkikh tsarei*, Vlast' i reformy: Ot samoderzhavnoi k sovetskoi Rossii, St. Petersburg, 2001, S. 32, 48–49; Alexeev Yu. G., *Sudebnik Ivana III. Traditsiya i reforma*, St. Petersburg, 2001, S. 25.

⁴ См.: История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1986. С. 335–342.

Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Srednie veka i Vozrozhdenie, V. S. Nersesyants (ed.), Moscow, 1986, S. 335–342.

⁵ Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 39.

Koselleck R., *Vvedenie*, Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii: Izbrannye stat'i, 2 vols., Vol. 1, Moscow, 2014, Sp. 39.

⁶ Этот тезис был положен в основу книги В. Пельтца: Peltz W. *Suwerenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej (XIV – XVI w.)*. Zielona Góra, 1994. S. 5, 185.

сиологический и ономаσιологический подходы: в первом случае анализируются все значения известного слова, во втором – проводится «инвентаризация всех наименований для заданного предмета»⁷. Поскольку термина для обозначения интересующего нас явления («суверенитет») в XV в. не существовало, ясно, что приоритет в данном случае нужно отдать ономаσιологическому подходу.

В опубликованной ранее работе было показано, что донесённые до нас летописями и посольскими книгами высказывания Ивана III свидетельствуют о том, что он, не зная позднейшего термина «суверенитет», прекрасно понимал суть соответствующей политики, включая абсолютность и единство своей власти на всех землях, входивших в его державу, а также её независимость от всех иных государей. Выяснилось также, что внутренний суверенитет, т. е. верховенство великокняжеской власти внутри страны, стал осознанной реальностью уже после покорения Новгорода, т. е. к концу 1470-х гг., а обретение внешнего суверенитета, т. е. полной независимости и равного с соседними государствами статуса, потребовало гораздо большего времени и было достигнуто лишь в 1490-х гг.

Но если датировка завершающей фазы формирования доктрины суверенитета Московского государства, пришедшейся на последние десятилетия XV в., не вызывает особых сомнений, то начальная стадия этого процесса, как часто бывает, остается в тени. Нет никаких указаний на этот счёт и в книге Войчеха Пельтца, которая до сих пор остаётся единственной монографией, специально посвящённой анализу теории и практики суверенитета в Московской Руси⁸.

Польский историк избрал для своего исследования очень широкие хронологические рамки – от княжения Ивана Калиты до царствования Ивана Грозного, т. е. более двух столетий. Порой он расширяет их ещё больше, цитируя источники XI–XII вв. При таком подходе специфика интересующей нас эпохи – XV в., периода возникновения Московского государства, – совершенно исчезает, а динамика процесса формирования доктрины суверенитета подменяется мозаикой из разновременных цитат, не образующих целостную картину.

В предлагаемой вниманию читателей статье я попытаюсь восполнить указанный пробел и проследить основные стадии эволюции идеи суверенитета в Московской Руси, обращая особое внимание на истоки этой идеи и формы ее выражения.

В памятниках XIV в. – вопреки широким построениям В. Пельтца – невозможно найти никаких следов идеи независимости московских князей, бывших в ту пору данниками ордынских ханов. Самый ранний текст, в котором подобная идея появляется, – это «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского».

⁷ Kozellek P. Введение. С. 36, 39.
Koselleck R., *Vvedenie*, S. 36, 39.

⁸ Peltz W. *Suwerenność państwa...*

Исследователи древнерусской литературы датируют этот замечательный памятник в широких пределах – от конца XIV до XVI в., но, с учётом обоснованной Г. М. Прохоровым гипотезы об авторстве Епифания Премудрого, наиболее убедительной датой мне кажется первая четверть XV в.⁹

И в заголовке «Слова», и в самом тексте великий князь Дмитрий Иванович последовательно именуется «царем». Особенно показателен следующий пассаж: перед решающим столкновением с Ордой некие «враги» будто бы оклеветали его перед Мамаем, заявив: «Дмитрий, великий князь, себе именуется Руской земли царя, и паче честнейша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию»¹⁰. Далее, однако, уже не мифические «враги», а сам автор величает Дмитрия «нашим царем» и «великим царем... Русской земли»¹¹.

Таким образом, вызов, брошенный великим князем Мамаю, осмысляется московским книжником как противостояние двух равных «честью», т. е. по статусу, правителей и двух «царств» – Русской земли и Орды (в конце произведения владения Дмитрия Ивановича прямо названы «царством»).

Царями на Руси тогда именовали ордынских ханов и византийских императоров, т. е. правителей наивысшего ранга (выше королей и князей), не имевших над собой никакой иной земной власти. Поэтому, присваивая покойному великому князю царский титул, автор некролога не только ставил Дмитрия Ивановича вровень с ордынскими ханами, но и декларировал его независимость от них, что, разумеется, не соответствовало реалиям описываемой эпохи, но зато звучало как недвусмысленное символическое притязание.

В той же имперской логике Дмитрий Иванович изображается как «господин всей земли Русской»¹², повелитель «вельмож и всех князей Русской земли», бывших под его властью (употребление слова «господин» в этом контексте может свидетельствовать в пользу датировки «Слова» временем не позднее начала 1420-х гг., поскольку уже во второй четверти XV в. в оборот, как мы увидим, активно входит слово «господарь»).

Хотя предметом нашего анализа служат главным образом тексты московского происхождения, но для создания правильной исторической перспективы важно учесть, что идея независимости созревала в первой половине XV в. не только в Москве, но и в других крупных политических

⁹ См.: Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: вторая половина XIV – XVI в., ч. 2: Л – Я. С. 403–405.

Prokhorov G. M., Salmina M. A., *Slovo o zhit'ii i prestavlenii velikago kniazia Dmitriya Ivanovicha, tsaria Ruskago*, Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, T. 2, vtoraya polovina XIV – XVI v., ch. 2, Leningrad, 1989, S. 403–405.

¹⁰ Слово о житии великаго князя Дмитрия Ивановича // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. Л., 1981. С. 210.

Slovo o zhitii velikogo kniazia Dmitriya Ivanovicha, Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. XIV – sredina XV veka, Leningrad, 1981, S. 210.

¹¹ Там же. С. 214, 222.

Ibid, S. 214, 222.

¹² Там же. С. 220, 226.

Ibid, S. 220, 226.

центрах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в частности, – в Великом Новгороде и Великом княжестве Тверском.

В памятнике тверской панегирической литературы середины XV в., Похвальном слове инока Фомы великому князю Борису Александровичу, последний назван «самодержавным государем», достойным «венца царского», и даже «нынешним царем»¹³.

Таким образом, можно заметить некоторые общие приёмы повышения престижа великих князей на Руси XV в.: это прежде всего уподобление князя царю или прямое именование его царём, что символически подразумевало независимость от иных правителей. Эпитет «самодержавный», которым Фома награждает тверского великого князя, свидетельствует о византийском влиянии (от греч. *αὐτοκράτορ* – «самовластный», титул императора), а «государь» (господарь) – это новый титул (или, точнее, почётное именование), вошедший в употребление на Руси во второй четверти XV в. Все эти элементы активно использовались и в московском политическом дискурсе рассматриваемого времени.

Вторая четверть XV в. – период долгой междоусобной войны в Московском великом княжестве и вместе с тем новая важная веха в эволюции идеи суверенитета. Наибольший вклад в её развитие в этот период внесла митрополичья кафедра, которая до конца 1450-х гг. оставалась единой для Московской и Литовской Руси.

В указанный период русская политическая лексика обогатилась словами «господарь» и «господарство», которым суждено было ключевыми понятиями московской официальной идеологии конца XV – XVI в.

Венгерский славист Андраш Золтан высказал предположение о том, что в Московской Руси эти слова были заимствованы при посредничестве митрополичьей кафедры из канцелярского языка Великого княжества Литовского, в котором они известны с конца XIV в.¹⁴ В отношении слова «господарство» данная гипотеза выглядит вполне убедительно, поскольку на раннем этапе, с 1431 до конца 1450-х гг., оно встречается только в документах, вышедших из митрополичьей канцелярии. Но происхождение слова «господарь» не столь однозначно, ибо его первое появление на московской «почве» с митрополией напрямую никак не связано: впервые оно встречается в духовной грамоте игумена Кирилла Белозерского, написанной в 1427 г.

Поскольку А. Золтану этот документ был известен только по публикации, сделанной с более поздней копии, то он поставил под сомнение

¹³ Инока Фомы слово похвальное // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР): в 20 т. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 82, 86, 92, 100, 102.

Inoka Fomy slovo pokhvalnoe, *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* (BLDR), 20 vols., Vol. 7, Vtoraya polovina XV veka, St. Petersburg, 1999, S. 82, 86, 92, 100, 102.

¹⁴ Золтан А. К предьстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский. С. 554–590 (переиздание статьи, опубликованной в 1983 г.).

Zoltan A., *K predystorii russk. 'gosudar'*, *Iz istorii russkoi kultury*, Moscow, 2002, Vol. II, Bk. 1, *Kievskaya i Moskovskaya Rus'*, A. F. Litvina, F. B. Uspenskii (eds.), S. 554–590.

аутентичность такого словоупотребления¹⁵. Но впоследствии в архиве Кирилло-Белозерского монастыря был найден и опубликован оригинал духовной Кирилла, что делает подобные сомнения беспочвенными.

В духовной грамоте Кирилл оставляет основанный им монастырь на попечение удельного князя Андрея Дмитриевича Можайского (сына Дмитрия Донского), во владениях которого находилась обитель. Он величает его «князем великим» и «своим господарем»¹⁶.

Слово «господарь» в значении «хозяин» (пашни, холопа, чары, коня и т. д.) встречается в древнерусских текстах XI–XII вв.¹⁷ Новация начала XV в. заключалась в переносе смысла этого понятия из хозяйственно-бытовой сферы в сферу властных отношений. При этом поначалу слово «господарь» не имело политического оттенка, означая лишь (как в процитированной выше грамоте игумена Кирилла) князя-вотчинника.

В том же значении оно выступает в княжеских договорах 1430-х гг. Так, в dokonчании великого князя Василия II с галицкими князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным (1434 г.) читаем: «А бояром и детем боярьским межи нас волным воля... А где будет ити нашим ратем, и где хто живет в вашей очине, хто кому служит, тот идет [с] своим осподарем»¹⁸.

Но уже во второй половине 1440-х гг. слово «господарь» приобретает политический смысл, став частью великокняжеского титула. Захватив в 1446 г. ненадолго Москву, князь Дмитрий Шемяка велел выбить на своих монетах надпись: «Осподарь всея земли Русской»¹⁹. Вернув себе через год престол, Василий II стал чеканить монету с аналогичной надписью: «Князь велики Василей Васильевич осподарь всея Руси»²⁰.

Исследователи видят в этом новом титуле московских великих князей подражание литовским господарям, уже давно носившим такой титул²¹, но с не меньшим основанием можно усмотреть здесь влияние митрополии,

¹⁵ Там же. С. 573. Прим. 103.

Ibid, S. 573, note 103.

¹⁶ Духовная грамота Кирилла Белозерского // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / ред. и сост. Г. М. Прохоров. СПб., 1994. С. 186.

Dukhovnaya gramota Kirilla Belozerskogo, G. M. Prokhorov (ed.), *Prepodobnye Kirill, Ferafont i Martinian Belozerskiye*. St. Petersburg, 1994, p. 186.

¹⁷ Примеры см.: Золтан А. К предыстории... С. 555 – 556.

Zoltan A., *Kpredystorii...*, S. 555–556.

¹⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. / подг. к печ. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950. № 34. С. 88.

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV – XVI vv., L. V. Cherepnin (comp.), Moscow, Leningrad, 1950, № 34, S. 88.

¹⁹ Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского (1425 – 1462) // Нумизматический сборник. М., 1974. Ч. 3. С. 60.

Mets N.D., *Monety velikogo kniazhestva Moskovskogo*, Numizmaticheskii sbornik, Moscow, 1974, Pt. 3, S. 60.

²⁰ Орешиников А. В. Русские монеты до 1547 года. М., 1896. С. 113. № 613.

Oreshnikov A.V., *Russkie monety do 1547 goda*, Moscow, 1896, S. 113, № 613.

²¹ Золтан А. Указ. соч. С. 575 (со ссылкой на Г. Штёкля).

Zoltan A., *Op. cit.*, S. 575.

ведь глава Русской церкви по обычаю именовался митрополитом Киевским и всея Руси.

Митрополичья кафедра во второй четверти XV в. значительно опережала светскую власть в деле усвоения новой политической лексики. В 1431 г. в завещании митрополита Фотия впервые встречается слово «господарство» (А. Золтан ошибочно считает самым ранним упоминанием «господарства» в московской документации грамоту митрополита Ионы киевскому князю Александру Владимировичу (ок. 1450 г.)²²) – почти на сорок лет раньше его появления в великокняжеском летописании²³, – причем в двух значениях. Обращаясь к юному великому князю Василию Васильевичу, Фотий просил его позаботиться о сохранности церковного имущества, которое удалось собрать митрополиту «в отчине великаго вашего г(о)с(по)д(а)рства и от быных земель, г(о)с(по)д(а)рств, великих княжений, и от Литовской земли...»²⁴.

В первом случае слово «господарство», вероятно, обозначает высокий сан адресата – что-то вроде позднейшего «Ваше величество», а во втором – государство как страну: сходными по смыслу понятиями выступают здесь «иные земли», «великие княжения» и «Литовская земля», т. е. крупные политические образования. В текстах иного происхождения, не связанных с митрополичьей кафедрой, «господарство» в этом втором (территориальном) значении до конца XV в. ни разу не встречается.

Избранный в 1448 г. на митрополичий престол собором русских епископов Иона немало способствовал повышению престижа великокняжеской власти. В его многочисленных посланиях подчёркивалось благочестие Василия II, величие и независимость его державы. При этом писцы митрополичьей канцелярии искусно сочетали уже привычную имперскую риторику (именование великого князя царём и самодержцем) с новым титулом «господарь» и вотчинной терминологией.

Так, в послании Ионы в Псков, написанном между 1453 и 1458 г., этот город именовался отчиной «великого государя царя русьскаго... благороднаго и благовернаго великого князя... а вашего, наших детей, – обращался митрополит к псковичам, – отчичя и дедичя, по родству великого его господства дръжаву, по изначялству прежних великих господарей, великих князей русских, а его праотець...»²⁵.

²² Там же. С. 578.

Ibid, S. 578.

²³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М.; Л., 1959. Т. 26. С. 225.

Polnoye sobranie russkikh letopisei (PSRL), M., L., 1959, T. 26, S. 225.

²⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819. № 17. С. 21. Слово «г(о)с(по)д(а)рство» еще раз упоминается в конце той же грамоты (с. 22).

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khраниashchikhsia v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del. M., 1819, Pt. II, № 17, S. 21.

²⁵ *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб., 2009. Прил. № 34. С. 394–395.

Если внутри страны акцент делался на «вотчинном», наследственном характере власти великого князя как источнике его прав на всю Русскую землю, включая Псков и Великий Новгород, то за её пределами митрополия создавала образ «самодержца», т. е. суверенного, независимого правителя.

«Всея Русския земли самодержцем» назван Василий II в приговоре членов собора Русской митрополии, созданного в декабре 1459 г. в Москве по вопросу о непризнании униатского митрополита Григория, прибывшего в Великое княжество Литовское с папскими ставленными грамотами²⁶.

В послании Ионы литовским епископам, написанном по тому же поводу и датированном 1459/1460 г., каноничность избрания самого московского митрополита аргументировалась, среди прочего, тем, что он был поставлен «на той превеликий степень» (т. е. кафедру) не тремя или пятью епископами, «но от всех архиепископов и епископов сдешнего православнаго великаго самодержьства господина и сына моего великого князя»²⁷.

«Здешним православным великим самодержьством» в процитированном отрывке, очевидно, именуется великое княжение, т. е. земли, подвластные великому князю Василию Васильевичу. Синонимом этого «самодержьства» выступает «Русское господарьство» – выражение, близкое по смыслу позднему термину «Русское государство». В одном из документов, вышедшем из недр митрополичьей канцелярии (компиляции, составленной на основе духовной грамоты митрополита Ионы), так и сказано: «...в сей Рустей земли в Рустем господарьстве...»²⁸.

В документах митрополии середины XV в. слово «господарьство» последовательно использовалось для обозначения независимых держав, крупных и самостоятельных политических единиц: таких, как Казанское ханство²⁹, Великое княжество Литовское и Польское королевство³⁰; в одном ряду с ними упоминалась и Русская земля – «господарьство», которое вело своё происхождение от «православного святого самодержьца всея Русския земля», великого киевского князя Владимира³¹.

Но в истории понятия «государство» в России деятельность митрополичьей канцелярии XV в. оказалась изолированным эпизодом: в терри-

Abelentseva O. A., *Mitropolit Iona I ustanovlenie avtokefalii Russkoi Tserkvi*, М., СПб., 2009, App. № 34, S. 394–395.

²⁶ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / сост. А. И. Плигузов. М., 2008. № 14. С. 108.

Russkii feodalnyi arkhiv XIV – pervoi treti XVI veka, А. И. Pliguzov (comp.), М., 2008, № 14, S. 108.

²⁷ *Абеленцева О. А.* Указ. соч. Прил. № 51. С. 436.

Abelentseva O. A., *Op. cit.*, App. No. 51, S. 436.

²⁸ Там же. № 29. С. 380.

Ibid, № 29, S. 380.

²⁹ Там же. № 7. С. 336.

Ibid, № 7, S. 336.

³⁰ Там же. № 15. С. 349; № 49. С. 429.

Ibid, № 15, S. 349; № 49, S. 429.

³¹ Там же. № 15. С. 349.

Ibid. No. 15, p. 349.

ториальном смысле это слово получило широкое распространение лишь сто лет спустя, в середине XVI в.

Третья и решающая стадия формирования идеи суверенитета пришла на период правления Ивана III и в особенности на 70 – 90-е гг. XV в. Соответствующие тексты неоднократно анализировались исследователями, в том числе автором этих строк (См.: *Кром М.М.* Стояние на Угре и обретение государственного суверенитета Великим княжеством Московским (хронологические, понятийные, внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы). // *Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы Всеросс. с междунауч. участием науч. конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга) / отв. ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров. Калуга, 2017; Кром М.М.* Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // *Исторические понятия и политические идеи в России. XVI – XX века: Сборник науч. работ. СПб., 2006.*), поэтому здесь ограничимся несколькими замечаниями, сосредоточив основное внимание на изменениях в политической лексике и системе аргументации.

Первое отличие указанного периода от предшествующей эпохи состоит в переходе инициативы в сфере идеологии от духовенства к самому великому князю. Одновременно произошли изменения и в политическом дискурсе. Хотя имперская идея с ее образом православного царства никуда не исчезла и ее продолжали отстаивать некоторые церковные иерархи (достаточно вспомнить знаменитое Послание на Угру ростовского архиепископа Вассиана Рыло: Вассиан убеждал Ивана III в том, что ему, «великому Русских стран христианскому царю», не подобает повиноваться «богостудному и скверному» царю – хану Ахмату)³², на первый план выступила идея великокняжеской вотчины.

По сути, именно эта идея лежала в основе притязаний Ивана III на полную власть над Великим Новгородом в период решающего столкновения с вечевой республикой.

Когда в ходе осенних переговоров 1477 г., предшествовавших капитуляции города, новгородцы попытались добиться каких-то уступок по вопросам суда, землевладения и т. д., великий князь, как передает московский летописец, велел им сказать: «... били челом мне великому князю, ты наш богомолец (архиепископ новгородский Феофил. – *М. К.*) и наша отчина Велики Новгород, зовучи нас себе государи, да чтобы есмы пожаловали, указали своей отчине, какову нашему государьству (Так раскрыли сокращение «гсдрьство» издатели летописи в 1949 г. Как показал А. Золтан, нет никаких доказательств существования в XV – XVI вв. какой-либо иной формы этого слова, кроме «господарьства». – *М. К.*) быти в нашей отчине, и яз, князь велики, то вам сказал, что хотим государьства на Великом Новегороде такова, как нашо государьство в Низовской земли

³² БЛДР. Т. 7. С. 394.
BLDR, Vol. 7, S. 394.

на Москве, и вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то которое государство мое»³³.

В процитированном летописном фрагменте наше внимание, конечно, привлекает слово «государство/господарство», которое употреблено явно не в том смысле, в котором его понимали составители упомянутых выше митрополичьих грамот 30–50-х гг. XV в. Здесь оно означает не территорию (страну) и не политическую общность, а власть господаря и порядок управления.

Из приведённого отрывка видно, что Иван III мыслил «свое господарство» по модели вотчины, владелец которой (господарь) обладает всей полнотой власти и может «указывать» подданным («отчине»), как им жить, а те со своей стороны не вправе ему «указывать» или «чинить урок», т. е. ставить какие-либо условия, ибо это было бы ограничением его «господарства» («ино то которое государство мое?»).

Далее новгородцы, сославшись на незнание «низовской пошлины», т. е. московских обычаев, просили «явить» им, как должно быть устроено государство (господарство) великих князей в их городе. Ответ великого князя, в летописном изложении, гласил: «... что есте били челом мне великому князю, чтобы яз явил вам, как нашему государству быть в нашей отчине, ино наше государство великих князьи таково: вечно колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати, ино на чем великим князем быти в своей отчине, волостем быти, селам быти, как у нас в Низовской земле, а которые земли наши, великих князей, за вами, а то бы было наше»³⁴.

Вотчинное «господарство», каким его представлял Иван III, вполне отвечало принципам внутреннего суверенитета: неограниченная власть великого князя, включая и право верховной собственности на землю, распространялась на всю страну; повсюду, в том числе на новоприсоединённых территориях, вводились единые порядки. Но та же вотчинная идея, в другом ее аспекте, служила обоснованием суверенных прав великого князя на внешнеполитической арене.

Яркой декларацией этой идеи стал ответ Ивана III на сделанное ему от имени императора Фридриха III предложение королевской короны. Послу императора Николаю Поппелю по этому поводу в январе 1489 г. было заявлено: «А что еси говорил нам о королевстве, если нам любо от цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле, и мы Божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне гос-

³³ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 317.

PSRL. M.; L., 1949, T. 25, S. 317.

³⁴ Там же. С. 318.

Ibid, S. 318.

удары на своей земле, а поставления, как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»³⁵.

В этом случае акцент делался на непрерывной династической традиции («от первых своих прародителей»), неразрывной связи рода великих князей с землей («мы Божию милостию государи на своей земле изначала») и Божественном происхождении их власти.

Как видим, патримониальный (вотчинный) дискурс оказался достаточно гибким для того, чтобы выразить идею абсолютности и единства великокняжеской власти внутри страны и её независимости на международной арене.

Подведём некоторые итоги. Идея суверенитета в Московской Руси развивалась на протяжении многих десятилетий; её истоки можно обнаружить в первой четверти XV в., но решающие сдвиги пришлись на середину и вторую половину этого столетия, т. е. эпоху возникновения Московского государства. Это и неудивительно, поскольку понятия, как замечено исследователями, являются индикаторами происходящих в обществе изменений и одновременно их факторами³⁶.

Отмеченный процесс, как показало проведённое исследование, носил отнюдь не линейный характер, и в его ходе менялись как проводники идеи независимости зарождавшегося государства, так и применяемые ими аргументы.

Несколько упрощая, можно сказать, что до середины XV в. ведущими идеологами независимости московского великого княжения выступали церковные деятели, в особенности митрополичья кафедра, а в их дискурсе заметную роль играли имперские слова и образы («царь», «самодержец») и заимствованное из соседней Литвы понятие «господарство». В годы правления Ивана III главным идеологом самобытной доктрины суверенитета стал сам великий князь, а её важнейшим источником – патримониальный (вотчинный) дискурс.

Список литературы:

1. *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. – 472 с.
2. *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1989. – 219 с.
3. *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 448 с.

³⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I. Стб. 12.

Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi. Vol. I. St. Petersburg, 1851, col. 12.

³⁶ *Бёдекер Х.Э.* Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор / Сборник статей под ред. Х. Э. Бёдекера. М., 2010. С. 35.

Bödeker H.E. Razmyshleniya o metode istorii poniatii, Bödeker H.E (ed.), Istoriya poniatii, istoriya diskursa, istoriya metafor. Moscow, 2010, P. 35.

4. Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: Сборник статей / под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 34 – 65.
5. Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. – 214 с.
6. Зимин А. А. Россия на рубеже XV – XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. – 333 с.
7. Золтан А.К. предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 554 – 590.
8. Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи. В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 23 – 44.
9. Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского (1425 – 1462) // Нумизматический сборник. Ч. 3. М.: Гос. исторический музей, 1974. С.7–126.
10. Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1896. – 232 с., XXI таб.
11. Панеях В. М. Русь в XV – XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 11 – 110.
12. Прохоров Г. М., Салмина М. А. «Слово о житьи и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л – Я. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1989. С. 403–405.
13. Peltz W. Suwerenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej (XIV – XVI w.). Zielona Góra: Wydawnictwo WSP im. Tadeusza Kotarbińskiego, 1994. – 331 s.

Об авторе:

КРОМ Михаил Маркович – доктор исторических наук, профессор исторической компаративистики, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская 6/1 А), e-mail: krom@eu.spb.ru

THE IDEA OF SOVEREIGNTY IN THE POLITICAL DISCOURSE OF FIFTEENTH-CENTURY MUSCOVITE RUS

M. M. Krom

European University at St. Petersburg, Department of History,
St. Petersburg, Russia

The paper traces the main phases in the formation of the sovereignty idea as it evolved in the Muscovite political discourse of the 15th century. Special attention is paid to the supporters of this idea and to the systems of argumentation they used. It becomes clear that, prior to the end of the 1450s, the key role in the elaboration of the concept of sovereignty of the Grand

Principality of Moscow had belonged the church hierarchs and, above all, to the Metropolitans. As for their arguments, there prevailed words and images related to the idea of empire, like the “tsar” or the “autocrat”. Simultaneously, a concept of “gospodarstvo” meaning an independent polity was borrowed from the Grand Duchy of Lithuania with the mediation of the Metropolitan’s office. In the last quarter of the 15th century, the key role in the elaboration of the state sovereignty doctrine passed to Ivan III. Under his auspices, the idea of the grand princely patrimony moved to the fore of the political discourse.

Keywords: *sovereignty, political discourse, history of concepts, the Grand Principality of Moscow, the Metropolitan see, Ivan III, patrimony, state.*

About the author:

KROM Mikhail M. – Doctor of Science (History), Professor of Comparative Studies in History, Department of History, European University at St. Petersburg (6/1 A, Gagarinskaya Street, St. Petersburg 191187 Russia), e-mail: krom@eu.spb.ru

References

- Abelentseva O.A., *Mitropolit Iona i ustanovlenie avtokefalii Russkoi Tserkvi*, M., St. Petersburg, Alians-Arkheo, 2009. – 472 p.
- Alexeev Yu. G., *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga*, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989. – 219 p.
- Alexeev Yu. G. *Sudebnik Ivana III. Traditsiya i reforma*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001, 448 p.
- Bödeker H.E. “Razmyshleniya o metode istorii poniatii”, Bödeker H.E (ed.), *Istoriya poniatii, istoriya diskursa, istoriya metafor*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 34 – 65.
- Gorskii A. A. *Moskva i Orda*. Moscow: Nauka, 2000, 214 p.
- Koselleck R. “Vvedenie”, *Slovar’ osnovnykh istoricheskikh ponyatii: Izbrannye stat’i*. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, P. 23–44.
- Mets N. D., “Monety velikogo kniazhestva Moskovskogo”, *Numizmaticheskii sbornik*. Pt. 3. Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, 1974, pp. 7 – 126.
- Oreshnikov A.V. *Russkie monety do 1547 goda*. Moscow: Tovarishchestvo tip. A. I. Mamontova, 1896, 231 p., XXI tab.
- Paneyakh V. M. “Rus’ v XV – XVII vv. Stanovlenie i evoliutsiya vlasti russkikh tsarei”, *Vlast’ i reformy: Ot samoderzhavnoi k sovetskoj Rossii*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001, pp. 11 – 110.
- Prokhorov G.M., Salmina M.A. “Slovo o zhit’i i prestavlenii velikago kniazia Dmitriya Ivanovicha, tsaria Ruskago”, *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. T. 2 (vtoraya polovina XIV – XVI v.). Pt. 2. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989, pp. 403 – 405.
- Zimin A. A. *Rossiya na rubezhe XV – XVI stoletii: (Ocherki sotsialno-politicheskoi istorii)*. Moscow: Mysl’, 1982, 333 p.

Zoltan A. “K predystorii russk. ‘gosudar’”, A. F. Litvina, F. B. Uspenskii (eds.), *Iz istorii russkoi kultury*. Vol. II. Bk. 1. *Kievskaya i Moskovskaya Rus’*. Moscow: Yazyki slavianskoi kultury, 2002, pp. 554 – 590.

Статья поступила в редакцию 22.12.2019 г.